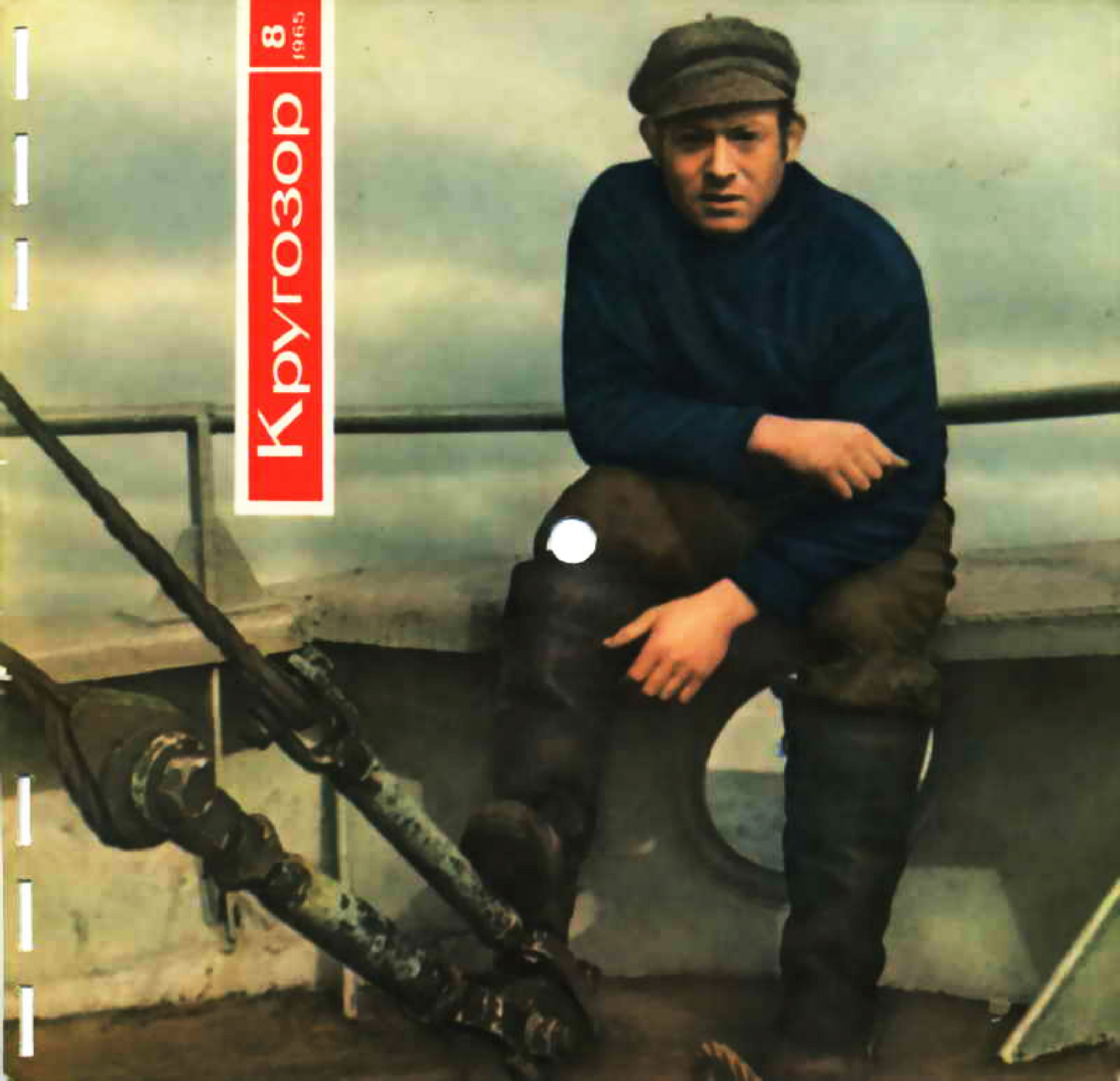

Кругозор

8
1965

← Поэт Владимир Луговской.
«Что я хочу от жизни» (11).

Наши премьеры. Песни о
Москве. Исполняют Н. Кон-
стандопуло (Греция) и Д.
Марьянович (Югославия).
Авторы: Т. Маракис и
Л. Дербенев, Н. Богослов-
ский и Н. Доризо (3).

↑ Вечный огонь свобо-
ды. Назым Химет чи-
тает стихи. Песни
М. Теодоракиса и
Я. Рихоса, Ж. Брас-
сенса и Л. Арагона (1).

Знакомьтесь: Екатерина
Шаврина. Песни «Скамееч-
ка», «Колокольчик», «Я дев-
чоночка молодая». Музыка
Г. Пономаренко, стихи В. Бо-
кова (10).

↓ Новая песня «Кругозо-
ра» в Японии, Англии,
Индии, на Кубе и в
Болгарии. В эстафете
участвуют: Эдуард
Хиль, Кирилл Семов,
Пегги Сигер, квартет
«Лос Модернистас»,
хор индийского радио
и японское хоровое
общество (4).

Давай решим с тобою,
Что надо взять с собой
в дорогу
в двадцать первый век.

↑ у начала дороги. Раз-
мышления вслух (7).

Поет Ф. Н. Шалпин. М. Му-
соргский. «Сцена с ку-
рантами» из оперы «Борис
Годунов». Вы слышите впер-
вые: А. Гречанинов — «Ре-
читатив», «Марсельеза». Э.
Григ — «Лебедь». Русская
народная песня «Двенадцать
разбойников» (5—6).

↑ Минаэл Таривердиев. Из во-
кального цикла на стихи
Маяковского. Песни из ки-
нофильма «До завтра» и из
спектакля «Назначение» (9).

← Песни с траулера «Костро-
ма». Норвежское море (8).

↑ Грузия древняя и
современная. Гим-
нам — столетия. Струн-
ный квартет С. Цин-
цадзе — фрагменты (2).

← Театр «Кругозор». По-
сле премьеры. Новые
маски Аркадия Райки-
на (12).

«Ведь если я гореть не буду,
И если ты гореть не будешь,
И если мы гореть не будем,—
Так кто же тогда рассеет мрак?»

Назым Хикмет

Когда первый из них принес людям огонь, разгневанные боги приковали его цепями к скале. Это был жест бессилия правителей Олимпа: обладание огнем уравнивало с ними смертных. Но огонь, поселившийся не в тесном приюте очага — в человеческих душах, — дал истинное бессмертие людям. С тех пор все, мнящие себя богами в мрачных олимпах имперских канцелярий, президентских и королевских дворцов, мстят тем, кто несет огонь людским душам. Скучной фантазии божиков за долгие столетия хватило только на усовершенствование цепей и скал для пыток. Фантазия Прометеев рождает поэмы, полотна, симфонии, опаленные огнем свободного человеческого духа.

...В сороковых годах XX века на горе Олимп не селились боги. И для них это было небезопасно: в горах Греции хозяйничали отряды Сопротивления. К трагедиям Эсхила и Софокла история дописала новые акты: Греция, оккупированная и расстрелянная гитлеровцами, уже в момент освобождения была предана своими правителями и оккупирована заново англичанами. Греция не сложила оружия, и в нее снова стреляли.

На площади в Афинах перед кафедральным собором стояла на коленях толпа. Над головами плыли двадцать семь гробов. Две девушки, как два черных древа, развернули плакат: «Когда перед народом возникает призрак тирании, народ избирает оружие». Среди тысяч на площади был Микис Теодоракис. Сейчас мир знает имя этого композитора. Тогда он был солдатом. Он умел перерезать кабели немецкой связи, умел стрелять. И когда однажды вражеский танк направил на него орудие, Микис

засмеялся. Даже тот, спрятанный за броней, дрогнул — он повернул танк.

Прометеевой силой для Теодоракиса стала тюрьма Мандронисоса. Но тысячам за тюремными решетками музыка Миниса помогла распрямиться, вынести пытку и нарцез. И тогда годы спустя страну потрясла весть об убийстве Григориса Ламбраниса. Греция запела песню в его честь. Ее написал Минис Теодоракис.

...Семнадцать лет, как и во веки веков, солнце восходило над реками и озерами, люди шли с работы, вечерами семьи собирались за столом. Семнадцать лет Назым Хикмет знал только тесный проем камеры феодальной тюрьмы. Феодальная тюрьма — феодальные порядки: если ты не заработаешь на хлеб, ты умрешь с голоду. Человек, поэтическим трудом которого вдохновлялась Турция и мир, жил древним ремеслом ткача. Но ремесло поэта и Прометея не могло быть забыто им. В те часы, когда семьи собирались за столом, когда его собственная семья молча сидела в осиротевшем доме, в тюрьме сходились заключенные, чтобы слушать стихи Назыма. Стихи, миновав часовых, совершали побег в мир. Книга Назыма была издана во Франции. Тогда тюремщики усилили караулы возле поэта и возле стихов: ему запретили писать, у него отняли бумагу. Но он исписывал листы памяти новыми строками, и эти строки рыли новые подковы под тюремными стенами. Начертанные на транспарантах стихи шли в колоннах бунтарей. Мир добился его освобождения.

Законодатели изощрялись в попытках обуздать человеческий дух. В Турции был принят «закон Назыма Хикмета», по которому великий поэт, одаривший славою свою родину, изгонялся навечно из ее пределов.

В свое время боги Олимпа тревожились не зря: бессмертие человека действенное бессмертия богов. И мертвый Назым продолжает воевать. Недавно турецкий журнал «Ен»

Рисунок С. Ципорина

начал публикацию воспоминаний о поэте. Промуров Анкари возбудил судебный процесс против журнала, против хинетовской мысли, против огня, который воспламеняет сердца.

Но величие поэта уже нельзя объявить вне закона — журнал выиграл процесс.

И снова в странах, где еще царствует тьма, на разных языках звучит в тюрьмах и боевых колоннах, как заклинание, как призыв: «Ведь если я гореть не буду, и если ты гореть не будешь...»

Когда произносишь «Франция», — хочется добавить: Французская революция, Парижская коммуна, французское Сопротивление. Художники Сопротивления не только сражались с автоматами в руках. Сражалось их слово, их мысль. В кино это были «Ночные посетители» Карне. В поэзии — Арагон, Элюар. Популярности арагоновской «Розы и резеды» и элюаровской «Свободы» может завидовать любая народная песня.

Поль Элюар ездил по дорогам Франции с листовками за пазухой, а его стихи сбрасывались на парашютах, как боевые листовки. Он скрывался от гестапо в больнице для душевнобольных в Сен-Альбане, а его стихи излечивали тысячи душ, охваченных отчаянием в городах Франции.

В 1942 году он стал коммунистом. Он понял, что дела партии вдохновенны, как лучшее слово поэта. Поэтому он написал о расстреле замечательного коммуниста Габриэля Пери: «Есть слова, которые помогают жить, и это простые слова: слово «тепло» и слово «доверие», слово «правда» и слово «свобода»... Прибавим к ним «Пери».

В годы, когда огонь фашистских бомб обращал Европу в пепел, Элюар воспел огонь. Огонь, победивший огонь. Это огонь человеческого духа, огонь, что принес Прометей, огонь, который наследники Прометей несли и будут нести людям. Будут, как бы злобные божки ни изощрялись в изготовлении цепей и подыскивали скалы для пыток. Будут!

Галина ШЕРГОВА

«Свободу политическим заключенным!» — знала кисть Димитриса Кацикоянниса. Клич этот шел сквозь мрачные тюремные решетки, за которыми реакция хотела замуровать свободный дух художника.

Поль ЭЛЮАР

Песня об огне, победившем огонь

Этот огонь пылал в крови,
И вровень с огнем вставала заря,
Этот огонь пылал в руках,
В голосе и зрачках.
Ему повинуюсь, я шел вперед,
И я пустыню сжигал,
И я лелеял этот огонь,
Огонь земли и огонь насилия,

Насилья против насилия ночи,
Насилья против насилия пепла,
Огонь — прочерченная прямая,
Огонь — неизбежность агонии
мрака.

Огонь — как след на песке,
Огонь в огне и во гневе.
Кричащий над крышами:

— Смерть швырните в огонь!
Этот огонь пылал в крови,
Этот огонь кидался на цепи,
На цепи, на стены, засовы, кляпы,
Кидался на слепоту и слезы,
На уродство.
На смерть, которую злостно
Я произвел на свет,
Огонь принимался за мертвые
звезды,

За сникшие крылья, увядшие
розы,

Принимался за пепелища,
Возрождаю на пожарищах травы,
Жизнь без мучений, без тени,
Свежую зелень, жаркую жатву,
Жатву ликующих кличей,
Жатву лучей,
Брошенных гимном в зенит.
Просто огонь — без бога.
Вслед за огнем — роса,
Вслед за огнем — весна,
Дети вслед за огнем,
И значит — вера в людей,
В их неделимое сердце,
В их непорочное сердце,
Ясный огонь, просветивший
насквозь

Все оголенные формы,
Ясный огонь, прозрачная струйка
Чистого света и цвета,
Огонь горизонта и слова,
Бесконечная ласка,
Любовь и простая надежда,
Надежда — и значит, знание,
Мечта — и ни грамма грезы,
Мечта — добродетель огня.

Перевел с французского
М. Ваксмахер.

Назым ХИКМЕТ

**О том,
как плакать**

Как сделать так, чтобы
заплакать,
когда не замечаешь этих слез,
не ждешь?

Как сделать так, чтобы
заплакать

открыто,
без стеснения,
как дождь?
А у тебя наоборот:
внутри кровотоцит —
смеется рот.
Как камень, должен ты стоять.
Оказывается,

дети мое,
так трудно постигать
искусство плакать
так,
как плачет мать!

Перевела с турецкого
М. Павлова.

1947 г.

Гравюры Теймураза Кубанейшвили.
Из цикла «Поэмы камня».

тировал в «большой музыке», и
дебют был заметным.

Первое, что хочется сказать о
Сулхане как о музыканте: он очень
талантлив (к сожалению, мы ино-
гда забываем эту важнейшую твор-
ческую категорию). Талант — от
бога, а вот профессиональная тех-
ника приходит с годами. Приходит
к тем, кто, как Сулхан Цинцадзе,
много трудится.

Нельзя не сказать и о его ком-
позиторской изобретательности,
вкусе. Цинцадзе работает в разных
жанрах: опера, балет, симфония,
инструментальные сочинения.

Почему ему так удаются кварта-
ты? Во-первых, Сулхан — прекрас-
ный виолончелист. До того как
стать композитором, он окончил
Московскую консерваторию по
классу виолончели. Во-вторых, это
музыкант, творчество которого
впитало тысячелетние традиции
многоголосного пения, это компо-
зитор, рожденный в Грузии.

Родион ЩЕДРИН,
композитор.

ИМЕНЕМ ГРУЗИИ

Каждый год крупнейшие газеты
мира просят читателей назвать де-
сять лучших спортсменов. Резуль-
таты таких референдумов широко
известны. Но я берусь утверждать,
что о подобных международных
соревнованиях композиторов зна-
ют немногие. Проходят они следу-
ющим образом. Авторитетное жур-
ни — Международная трибуна ком-
позиторов в Париже при ЮНЕСКО,
прослушав гору магнитофонной
пленки, тайным голосованием оп-
ределяет «первую десятку» лучших
произведений мира.

В 1963 году среди призеров был
советский композитор Сулхан Цин-
цадзе. Его Пятый квартет рекомен-
дован в программы всех радио-
станций. Кстати, Второй квартет
Сулхана еще в 1950 году был от-
мечен Государственной премией.
Я не помню, чтобы подобную на-
граду получал композитор-студент.
В те годы Сулхан Цинцадзе дебю-

Раздвинувшая века

Грузинский историк и филолог
Павле Ингорква работал над ма-
нускриптами древнего культового
пения. Они дошли до нас в запи-
сках X—XI веков. Однако сами тво-
рения восходили ко временам ан-
тичности. Ученый знал, что эти об-
разцы профессиональной музыки
переписаны в десятом веке под ре-
дакцией крупнейшего композито-
ра и поэта Михаила Модрекли.
Ему было известно также, что в
мире — девять сборников нотиро-
ванных рукописей древнегрузин-
ской музыки.

Вначале Ингорква вчитывался в
слова. Текст, записанный подряд,
подобно современной прозе, внеш-
не не был похож на ритмические
стихотворные строфы. Но, повто-
ряя и повторяя его от точки до
точки, ученый ощутил, как между
этими веками бьется ритм, подчи-
ненный строгому законодательству
стиха. Стих был запечатлен в ру-

Девушки из Марджокпи. Работа художника Ладго Гудиашвили.

Новый район Тбилиси Сабуртало. Старая Мцхета.

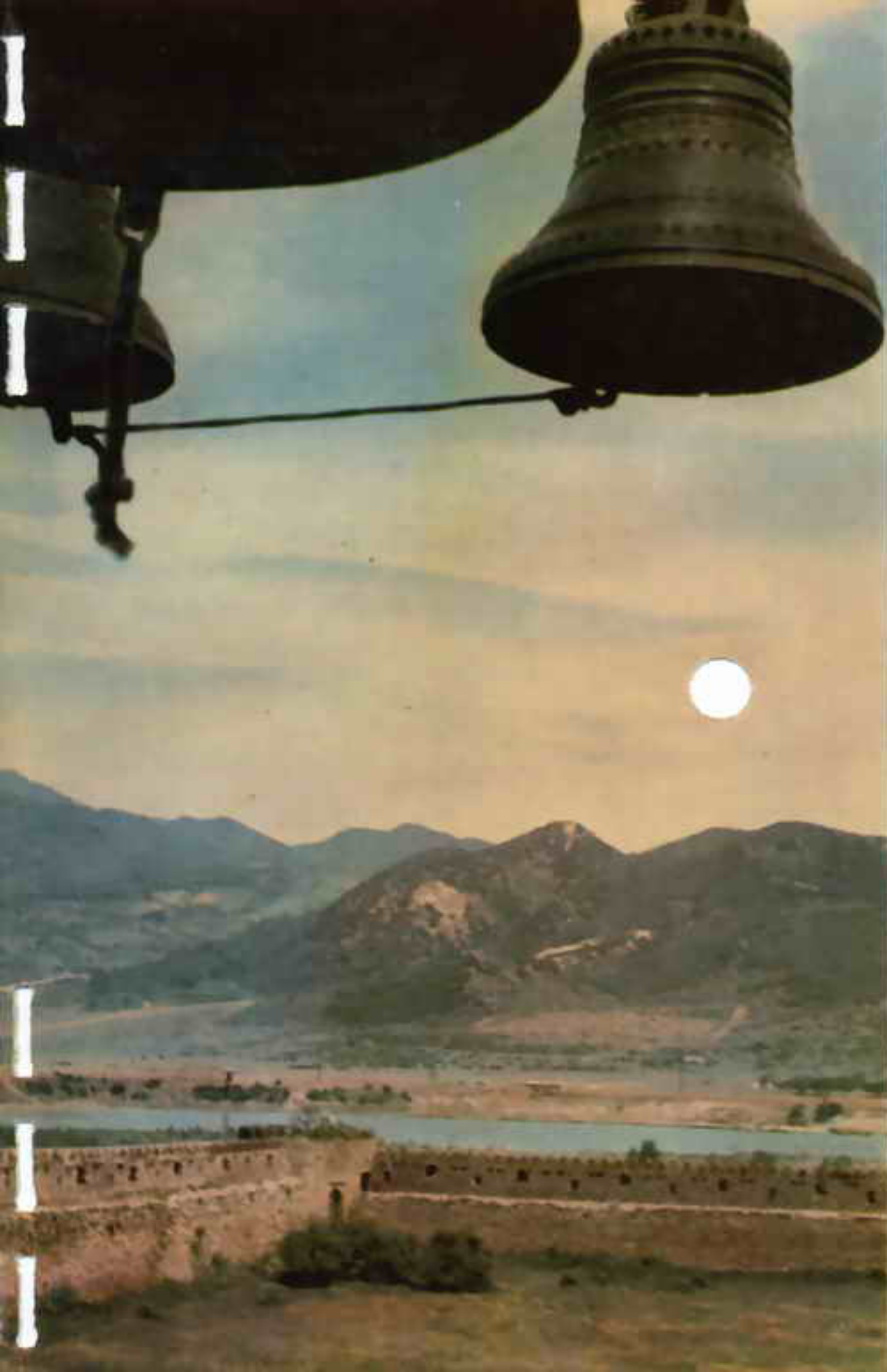
Фото Д. Лазарева

кописи черным. Но на листах багровели алые знаки киновари. Ингореква пытался вчитаться в них. И он понял: это нотные знаки. Рукопись была расшифрована. Ингореква прочел знаки грузинской октавы, и записи гимнов одна за другой легли на стол ученого.

Мировая музыкальная общественность крайне заинтересовалась открытием грузинского ученого. В печати появились статьи. Советское радио и зарубежные станции организовали передачи, посвященные расшифрованным творениям грузинских музыкантов.

И вот в эфире зазвучали старинные песнопения. Сегодня они на звуковой странице журнала.

Мириан МИРНЕЛИ

Виноградная лоза

Едва не исчезло
лозы виноградной название:
рубил ее и сжигали,
рубил и жгли...
Султаны и шахи вели свои орды,
позванивали
мечи и кольчуги,
и брызгала кровь из земли.
Стократ ее корни
из этой земли выкорчевывали,
и крепости были в огне и дыму,
но опять
символ смерти и развалины
над пепелищами черными
упрямо и буйно
лоза начала прорастать.
Стал меч ее снова беречь,
чтоб войной и пожарами
ее не задело,
и, бед разорвавши кольцо,
она потянулась и снова
и дома и нам пожаловала,
и снова вином и весельем
дохнула в лицо.

Перевод с грузинского
Б. Окуджавы

Рассказ о Грузии на четвертой обложке продолжают дети. Ираклио Дундуа пять лет, а рисует он машины, путешествие на Луну, космодром. Десятилетний Нузгар Калантадзе поражает яркостью красок. Он тонко чувствует национальный колорит. Что станет главным в рисунках Левана Ласарейшвили (ему 4 года)? Пока он удивительно передает движение, ритм грузинского танца. Рисунок восьмилетней Наргизы Бежиташвили смел и одновременно наивен. Она назвала его «Красивая девочка».

«...Десять лет учения в школе —
это десять лет труда,
раздумий о долге,
о своем будущем».

Директор школы
Алексей Игнатьевич Золотарев.

(Из разговора
с десятиклассниками).

После того как катерок, медлительный и упорный, точно ломовик, три с лишним часа попетляв по излучинам, обойдет все мели в верховьях Тихого Дона, постоит, сгружая почву и принимая серебряные молочные бидоны у всех пристаней, вы окажетесь под огромной горой, где на юру врос в землю маленький домик. Зал ожидания, касса, жилище бакенщика.

С вершины вы увидите долину, охраняемую и этой горой, и дальними холмами, покрытыми гребнем свежих посевов. Поглядите внимательно.

Долина напоминает своими очертаниями детскую люльку. И село, притаившееся у этих холмов, издавна и бесповоротно называется Колыбелкой.

От пристани дорога идет в гору мимо вишневых садов, по аллее, обсаженной тополями, мимо братской могилы воинов, похороненных здесь, в центре села, к правлению колхоза «Прогресс» и дальше, где расступаются холмы, чтобы дать место прозелени свежих полей.

Долго еще будет стелиться дорога, обегая частоколы лесов, малинники, луга с шорохами зре-

КОЛЫБЕЛКА

ющих, осыпающихся трав. Встретит дорога песню. Как жаворонок, всплывет мелодия вверх и опадет, чтобы там, за прудами, за огородами, откликнулся ей упрямый басок трактора. Встретит дорога восемнадцатилетнего тракториста. Синеглазый парень откинет пролинявший чуб и долго будет смотреть, как оседает пыль на дороге, и помашет рукой машине, а кто в ней — не знает...

Но вернемся обратно к реке, к школе, потому что чем, как не колыбелью и для восемнадцатилетнего ласкового парня с пролинявшим чубом,

и для песни, что снова взлетела над дымками горизонтов, стал этот дом с пустыми классами... Качала и пестовала школа тех, кто родился тридцать лет назад, и двадцать, и десять.

Молчит сейчас школа. Каникулы.

Еще совсем недавно распахнутые окна осаждались воробьиными криками, мелок вбивал в классную доску углы равнобедренных треугольников и шестиклассник, успевший на большой перемене уписать гречневую кашу с молоком, рассуждал о Пипине Коротком. Только что пронеслись здесь

лень полей, и вниз, к пристани, где упорный катерок разминает излучины Дона.

А сама школа — словно указатель на дороге. Помните, как в сказке: направо пойдешь... налево пойдешь... И в этих раздумьях среди аргументаций Пушкина, Эйзенштейна, Обручева, Терешковой заучит и утренний плеск воды на Дону, и зеленые холмы баюкают Колыбельку.

С. ЗИНИН

Фото автора

Воронежская область

шквалы дискуссий о Красной Шапочке и творчестве Висконти, десятиклассники откурили в кулак свои сигареты...

Качается колыбель...

Тихо вокруг, выросла лебеда в гимнастическом городке, облака медленно скользят по своим маршрутам. Только бушуют дискуссии вечерами у клуба, а то и на речных отмелях.

Каждый день проходят ребята со своими велосипедами мимо школы по дороге, которая идет вверх, к правлению колхоза, и дальше, в прозе-

...ИТАК,
КУДА! КЕМ! ВО ИМЯ ЧЕГО!
На седьмой звуковой странице:
ВОЛОДЯ КОРНЮКИН,
ЛЮБА ЖИГАНОВА,
ВАЛЯ ГРОМОВА,
ВОЛОДЯ МОШАНКИН

Обратный адрес — планета

В шестом номере «Кругозора» прозвучала песня Яна Френкеля и Ливы Ошанина «Послушай-ка, приятель». Московское радио и «Кругозор» произвели, говоря современным языком, запуск новой песни на орбиту вокруг Земли. Ее услышали и запели в разных странах. Композиторы и поэты подарили ей новые слова, новые ритмы, но характер песни остался прежним. Она — как рука, протянутая другу.

ТАВАНД: На набережной Маленой мы встретили ансамбль «Лос Модернистас» и композитора Фернандо Муленса. Новую нашу песню они только что разучили в модном ритме «Мосамбике». Начинается она словами: «Exsichu, comraneo!» — «Послушай-ка, товарищ!»

Ваши корреспонденты
В. КОРОТКОВ, В. ПУГАЧЕВ

ДЕЛИ: «Молодая Индия, страна Гималаев, объединяйся в дружбу!» Это слова из песни Анила Бисваса и Нарендра Шарма. Я услышал в мелодии песни что-то знакомое.

Ваш корреспондент **Ю. СОЛТОН**

ТОКИО: Японский народный инструмент кото ведет главную партию в аккомпанементе песни «Мой друг, ты слышишь?». Для японского хорового общества ее подготовили Ясуси Акутагава и Кадзуо Окада.

Ваш корреспондент
А. АЛЕКСАНДРОВ

ЛОНДОН: В зале таверны «Нью Мерлин Кейв» популярные певцы Патти Сигер и Айан Манкол исполняют песню «COME AWAY!» Песня зовет в путь, вперед. Вы узнаете ее на звуковой странице.

Ваш корреспондент
Г. ТРОФИМЕНКО

СОФИЯ: У микрофона эстрадный квартет «Студия-5» Вилли Казасяна, исполняющий песню «Чуй, приятелю». Врѣстнико, мой приятел, Наверно, си мечтател...

Рисунок
А. Хмельниченко

МОСКВА

В первый день моего первого приезда в Москву — это было 30 апреля 1952 года — улицы вокруг Красной площади были наполнены весною и солдатами. Шла репетиция первомайского парада, и подразделения проходили взад и вперед, добиваясь совершенства, достойного великого праздника.

Но было нечто более прекрасное, чем зрелище марширующих солдат. Порядок и дисциплина достигались той доброжелательной простотой, той искренностью человеческих отношений, которые характерны для русского народа и делают его неотразимо привлекательным при первом знакомстве.

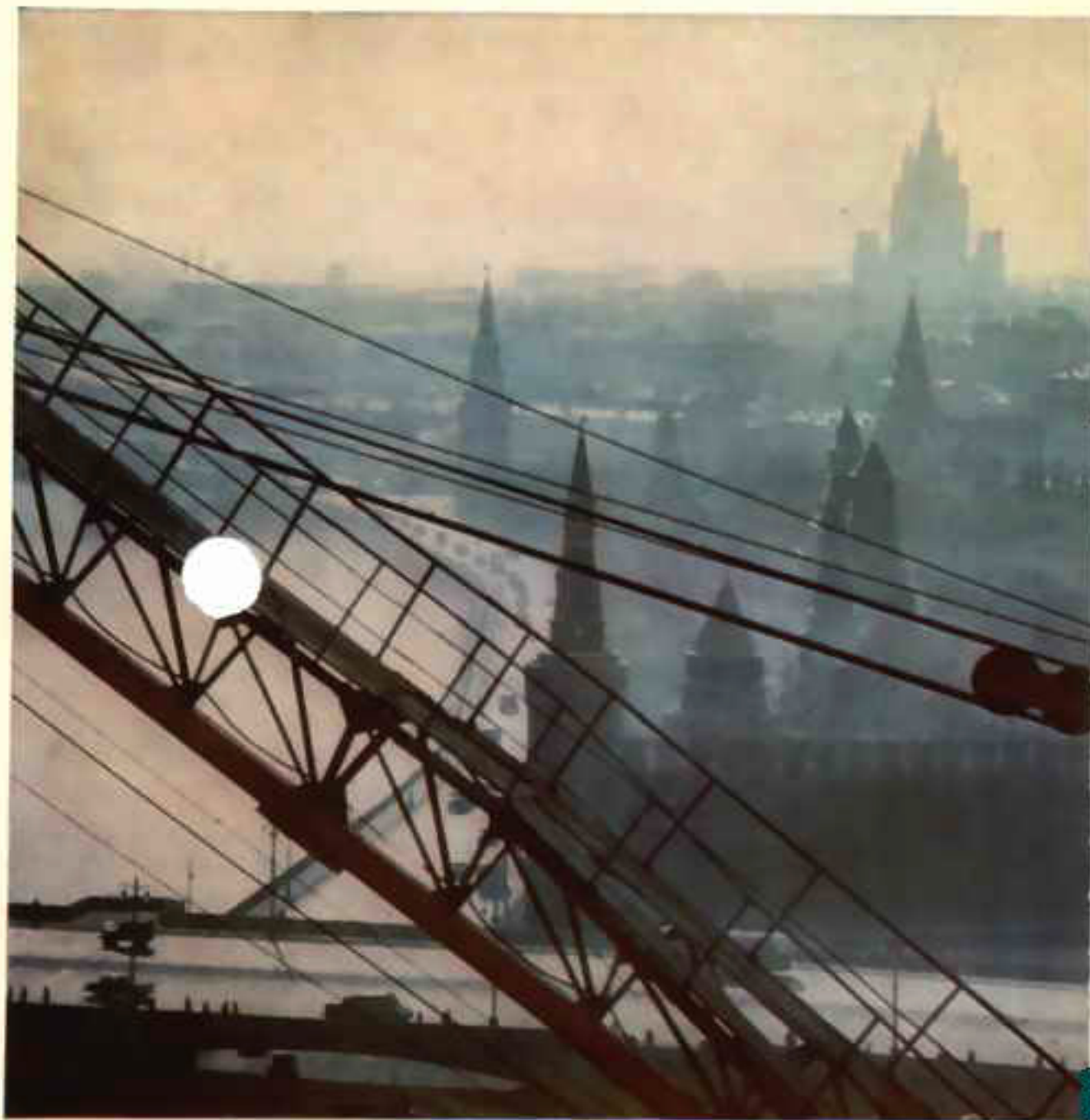
Среди солдат нередко проглядывались дети самого разного возраста. Взявшись за руки, они маршировали в гуще рядов. То и дело какая-нибудь девушка отделялась от толпы на тротуаре и, улыбаясь, радостная, приветствовала своего друга. Если нужно было поговорить с ним, девушка, поравнявшись, шла в ногу со строем. Молодые люди договаривались о встрече, которая предстояла вечером, обменивались новостями.

И этот первый образ сердечной Москвы навсегда презался в мою память. Он сопровождал меня все годы, когда по тому или иному поводу удавалось посетить Москву.

Теперь я чувствую себя коренным москвичом. И не только потому, что с далекого 1952 года бывал в этом городе почти ежегодно, но прежде всего потому, что в 1962 году прожил здесь около восьми месяцев, снимая фильм «Они шли на Восток».

Могу сказать, положив руку на сердце, что знаю Москву до тончайших оттенков. Суровые зимние месяцы, холодные, молчаливые, когда лица прохожих озабочены, когда улицы озарены красочной игрой снежного моря, затопившего все и вся. Дни весенних дождей, когда это море становится морем по-настоящему, морем с водой, и дети плещутся, прыгают, возятся, как будто на крымских пляжах. И лето, короткое московское лето, когда центральные улицы, гостиницы, музеи, магазины наводнены туристами: американцами, англичанами, итальянцами, французами, шведами, индийцами...

Ни одна другая столица не имеет столь неповторимого лица. В его чертах — любезность, чистосердечие, великодушие, любовь, которую русский народ питает к народам мира.

МОСКВА

Фото
Л. Лазарева

В былые годы, когда я был моложе, я имел некоторое пристрастие к рыбной ловле. Я оставлял мой городской дом, запасался удочками и червяками и уходил в деревню на реку. В один из таких отлетов я устроился в избе мельника. Однажды, придя к мельнику ночевать, я в углу избы заметил какого-то человека в потасканной серой одежде и в дырявых валеных сапогах, хотя было это летом. Он лежал на полу с котомкой под головой и с длинным посохом под мышкой.

Я было собирался со старином заговорить, да не успел — ушел он. Очень пожалел я об этом, и захотелось мне хотя бы взглянуть на него еще один раз. Чем-то старик меня и себе привлёк. Я привстал, облокотился на подоконник и открыл окошко. Старик уходил вдаль.

Это был странник. В России испокон веков были такие люди, которые куда-то шли. У них не было ни дома, ни крова, ни семьи, ни дела. Я убежден, что если каждого из них в отдельности спросить, куда и зачем он идет, он не ответит. Не знает. Он над этим не думал. Казалось, что они чего-то ищут. Казалось, что в их душах жило смутное представление о неведомом каком-то крае, где жизнь праведнее и лучше. Может быть, они от чего-нибудь бегут. Но если бегут, то, конечно, от тоски — этой совсем особенной, непо-

— Я! С семилетнего возраста, милостивый государь, перевариваю гвозди!..

Не люблю бахвальства. Но есть моменты, когда ничего другого сказать нельзя и вообразить ничем иным нельзя, как именно звездным звоном, дрожащим в небесах, этот глубонный, широкий и вместе с тем легчайший русский гений...

Только подумайте, как выражены свет и тень у русского гения, Александра Сергеевича Пушкина. В «Каменном госте» мадридская красавица говорит:

Приди! Открой балкон. Как небо тихо,
Недвижим теплый воздух, ночь лимоном
И лавром пахнет, яркая луна
Блестит на синеве густой и темной,
И сторожа кричат протяжно, ясно!..
А далеко, на севере — в Париже,
Быть может, небо тучами покрыто,
Холодный дождь идет и ветер дует...

Далеко, на севере — в Париже. А написано это в России, в Михайловском, Псковской губернии, в морозный, может быть, день, среди сугробов снега. Оттуда Пушкин, вообразив себя в Мадриде, почувствовал Париж далеким, северным!..

Не знаю, играл ли Александр Сергеевич на каком-нибудь инструменте. Думаю, что нет. Ни в его лирике, ни в его переписке нет на это, кажется, никаких указаний. Значит, музыкантом он не был, а как глубоко он почувствовал самую душу музыки! Все, что он в «Моцарте и Сальери» говорит о

МОЯ РОДИНА

нятной, невыразимой, иногда беспричинной русской тоски.

В «Борисе Годунове» Мусоргским с потрясающей силой нарисован своеобразный представитель этой бродяжной России — Варлаам. Мусоргский с несравненным искусством и густотой передал бездонную тоску этого бродяги — не то монаха-расстриги, не то просто какого-то бывшего церковного служителя. Тоска в Варлааме такая, что хоть удавись, а если удавиться не хочется, то надо смеяться, выдумать что-нибудь этаное разгульно-пьяное, будто бы смешное. Удивительно изображен Мусоргским горький юмор Варлаама, юмор, в котором глубокая драма.

Бездонная русская тоска. Но вдумываясь в образы, которые мне приходилось создавать на русской сцене, я вижу безмерность русского чувства вообще, какое бы оно ни было.

...Звенит звездным звоном в веках удивительный, глубокий русский гений. Я терпеть не могу национального бахвальства. Всякий раз, когда я восхищаюсь чем-нибудь русским, мне кажется, что я похож на того самого генерала от инфантерии, который по всякому поводу и без повода говорит:

— Если я дам турне съесть горшок гречневой каши с маслом, то через три часа этот турка на тротуаре, на глазах у публики, погибнет в страшных судорогах.

— А вы, ваше превосходительство, хорошо переносите гречневую кашу?

музыке, в высочайшей степени совершенно. Как глубоко он почувствовал Моцарта — не только в его конструкции музыкальной, не только в его контрапунктах или отдельных мелодиях и гармонических модуляциях! Нет, он почувствовал Моцарта во всей его глубокой сущности, в его субстанции. Вспомните слова Моцарта и Сальери:

Когда бы все так чувствовали силу
Гармонии! Но нет: тогда б не мог
И мир существовать, никто б не стал
Заботиться о нуждах низкой жизни.

Так именно, а не иначе мог говорить Моцарт. Пушкин не сказал: «силу мелодии», это было бы для Моцарта мелко. Он сказал: «силу гармонии». Потому что как ни поют звезды в небесах, какие бы от них ни текли мелодии, суть этих мелодий, песен и самых звезд — гармония.

«Сцена с курантами» из второго действия оперы М. Мусоргского «Борис Годунов» — одна из знаменитых записей Федора Ивановича Шаляпина. Вместе с ней на звуковых страницах вы впервые услышите в исполнении Шаляпина романс Э. Грига «Лебедь», русскую народную песню «Двенадцать разбойников» на слова Н. А. Некрасова, «Речитатив» А. Гречанинова и «Марсельезу».

Ю. ВИЗБОР

Фото Э. Кравчуна

Вольная и ритмичная волна океана добегают до нашего траулера, и он кланяется волне каждый раз, каждый раз. Траулер вразвалку шествует по Кольскому заливу, посеребренному белой ночью, бело-фиолетовым светом ее, где нет ни одной яркой, определенно-скучной краски, где кругом полутона, полунамек, недосказы.

Снежные горы, обступающие нас со всех сторон, величественны и надменны и расходятся там, где за похолом на подводную лодку длинным островом начинается море. Над ним в клубах облаков, через брешь, словно пробитую на вылет кем-то, несияюще видится багряная маска арктического солнца. Это очень необычно и красиво.

— Некрасивое небо, — сказал капитан. — К непогоде. Опять нам норд-вест на переходе будет в зубы тыкать.

Капитан думал о погоде и рыбе. Я думал о словах, в которые предстояло втиснуть все, что увижу в Норвежском море, на борту рыболовного траулера «Кострома». Я хотел написать об этом песни. Песен оказалось много, и они не уместились на пластинке.

**гремит
окраина
земная-
пересоленная
вода**

Песни с траулера

КАПИТАН

У рыбаков повсюду
Примета из примет:
Корреспондент на судно —
Улова нет как нет.
Конечно, это шутки —
Работаешь, не ждешь:
Бывает, что за сутки
Недельный план возьмешь.
Бывает и другое.
Но труд везде один.
Судьба — она судьбою,
А ты вперед гляди...
И под конец резонно
Добавил капитан:
— У рыб — свои законы.
У рыбаков — свой план.

СТАРМЕХ

На море снег, на море снег,
Вот две воды собрались вместе.
Вдыхал на крутой волне,
Наш «рыбачок» квадрат свой
И чей-то плач и чей-то смех
В радиogramмы проникает,
Голубоглазый мой стармех
Экзюпери всю ночь читает.

На море снег, на море снег.
Ночной полет. И почта срочна.
Ты приготовься, мой стармех:
Пилот погибнет. Это точно.
Стармех бросает коробок
И курит «Солнце» — сигарету.
К стеклу прильнув широким лбом,
Глядит на мокрую планету.
Ты сам мне лучше расскажи.
Как ты в ночи неразрешимой
Метелей белые ножи
Разламывал своей машиной.
Как, пробиваясь через льды,
Где — помнишь? — винт свое

не дожил,
Корабль твой вышел из беды,
На айсберг с мачтами похожий,
И как вставали корабли
Поверх волны — и зло и круто.
И Антуан Экзюпери
Вот здесь скрестил с тобой
маршруты.

На море снег, на море снег,
И не видать в погоде сдвига.
Рукой замасленной стармех
Сжимает маленькую книгу.
Издалека, издалека,
У океанов в изголовье,
Запятав мачты в облака,
Идет наш тральщик. Рыбу ловит.

ТРЕТИЙ ШТУРМАН

Я родился на волжском просторе
И, конечно, в душе капитан.
Шла ты, Волга, в Каспийское море,
А пришла в мировой океан.
Во дворе, меж военных развалин,
Где белье, где стучит домино,
Паруса путешествий вставали,
И вставала страна за страной.
То на «Бигле», а то на «Палладе» я
Вез в мечтах романтический груз.
И явилась однажды Исландия.
Поначнуло корабль «Златоуст»,
И не вышел я к ней на свидание.
Я лежу — кандидат в мертвецы.
Трое суток лежу без сознания.
Только слышу: аппендицит.
Только вижу: фельдшер-милаха
Все меняет на мне белье,
Лед заталкивает под рубаху.
Над термометром слезы льет.
И лежит рядом кореш мой, Мишка,
Говорит, как на страшном суде:
«Нам обоим, выходит, крышка.
Оперировать надо. А где?»
Но на грани бреда и яви
Слышим — будто с самих облаков,
Что согласен город Рейкьявик
Попытаться спасти рыбаков.
Нас с Мишаней перегружали —
Осторожно, не расплескаты!

Тормоза у машин визжали,
И трубил «Златоуст»: «Пока!»
Умирал. Воскресал опять я.
Падая с солнца на снежный наст.
В госпитальном лифте распятие
Очень грустно смотрело на нас.
Операция. Утро. «Можете
Их кормить». И томатный сок
Нам давали из чайных ложечек.
Причитая: «Храни вас бог!»
Нам идут и идут послания
От чужих людей, от дружков.
Нам здоровья желает Исландия,
Край потомственных рыбаков.
Но приходит конец печали.
«Полежал, браток, на боку!»
Мы по русскому хлебу скучали
И по русскому языку.
И не можете вы представить
Это чувство: опять спасен!
До свидания, город Рейкьявик,
И спасибо тебе за все!

«КОСТРОМА»

То ли снег принесло с земли,
То ли дождь — не пойму сама.
И зовут меня корабли.
«Кострома»! — кричат.
«Кострома»!
Лето мне — что зима для вас,
А зимою — опять зима.
Пляшут волны то вальс, то вальс.
«Кострома»! — стучат.
«Кострома»!
И немало жестоких ран
Оставляют на мне шторма.
Что ни рейс — на обшивке шрам.
«Кострома», держись, «Кострома»!
Но и в центре полярных вьюг,
Где, казалось, сойдешь с ума,
Я на север шла и на юг.
«Кострома»! Вперед, «Кострома»!
Оставляю я след вдали.
Рыбой тяжки мои трюма,
И антенны зовут с земли:
«Кострома» моя! «Кострома»!
Привезу я ваших ребят
И два дня отдохну сама,
И товарищи мне трубят:
«Кострома» пришла! «Кострома»!
Норвежское море

МОНОЛОГИ ГОРОДА

«Музыка прежде всего», — говорит композитор, вступающий в союз с литературой, театром, кино. Быть может, поэтому «Война и мир» В. Маяковского перемежается нотным станом. Поэт И. Сельвинский графическими знаками пытался перевести стих печатаемый в слушаемый. И. Северянин просто пел свои стихи...

В данном смысле союз поэзии и музыки не перевод одного жанра в другой. Нет! Рождается новое произведение, поводом для которого послужил эмоциональный толчок, вызванный прочтением стихотворения. Мне трудно, например, читать теперь строки: «Куда, куда вы удалились...» — настолько неотвязно звучит мелодия.

В поэзии есть поэты ритмисты и мелодисты.

Стихи Есенина, Блока ложатся на музыку. Но попробуйте представить себе мелодично Маяковского, Пастернака, Мартынова.

Романс в моем представлении — поэзия горизонтов, полей, усадеб. Музыка остро ритмическая — это нервный строй современного города. Композитор Таривердиев идет от второго, его поэтические взлеты дерзостны. Попробуйте превратить Маяковского в мелодию! Таривердиев попробовал. И победил. И в кино у него эскапады звуков. Это нерв, сбивающий монолог нашего современника, его музыкальный почерк — сын кинематографа и метрополитена, нервный горизонт города изорван, как кардиограмма, как ритмы его сердца.

Микаэл Таривердиев в музыке строен и грациозен, как наездник, я не могу описать его музыки, я не могу пересказывать. Слушайте сами.

Лев ОЗЕРОВ

ГРОЗА С ВЕСЕЛЫМИ ГЛАЗАМИ

На рабочем столе Владимира Луговского стояла подаренная ему маленькая греческая амфора. Он любил, высыпав на ладонь несколько песчинок, внимательно смотреть на них. Песчинки, побывавшие в руках греческого гончара... Нынешний двадцатый век, его середина... И между ними — ветер времени... Как любил он петь об этом ветре, «обутом в солдатские гетры, о ветре, идущем дорогой войны, о войнах, которым стихи не нужны...»!

Песни Туримени, склоны Закарпатья, Каспий, недра

исторических архивов, пестрота восточных рынков, выставки художников, старинное оружие, споры ученых — все живо интересовало Луговского; его ноздри жадно раздувались в предчувствии новизны, неожиданной вести, чуда...

Мне нравился его широкий душевный жест. Открытый и нерасчетливый. Мне нравилась его неприязнь ко всяческому сектантству. К так называемому «узкому кругу», «своей компании», «друзьям-собутыльникам», «братьям-сотрапезникам».

Его интересовала поэзия, поэзия и только поэзия.

От первых юношеских стихов до последней незавершенной книги «Синяя весна» Луговской стремительно двигался вместе со временем, его глашатай и его певец. По стихам Луговского прочитывается его жизнь, жизнь России, мира в самые драматические десятилетия века. Мускульная и интеллектуальная энергия его стиха передается сейчас моло-

дому читателю, любящему своего поэта.

Ни на кого, только на себя и на свою поэзию похожий человек, вечный юноша, порывистый, как его ветер, идет Владимир Луговской по жизни.

Никуда я от вас не уйду...

В обычных подростков — убежать из дому. Чаще бегут мальчишки. Очень редко — девчонки. Редко, но все же случается.

В 1956 году четырнадцатилетняя жительница уральского села Пышма собрала тайком свои пожитки и ушла из дому. Она приехала в Пермь и явилась в Принимацкий народный хор: «Примите меня, все равно никуда я от вас не уйду».

И вот Катя Шаврина днем — уборщица в Доме культуры, вечером на репетициях — самая внимательная хористка... А стала ли она певицей?

Послушайте, как солистка народного хора Волгоградского тракторного завода Екатерина Шаврина исполняет песни Григория Пономаренко на стихи Виктора Бокова. И тогда вы сможете ответить на вопрос сами.

Фото Л. Лесного

На первой странице обложки: боцман рыболовецкого траулера «Кострома» Ефим Финкельберг.

Фото Э. Кравчука

Художник В. Щапов
Техн. редактор Л. Петрова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес редакции:
Москва, Пятницкая ул., 25.
Телефоны редакции:
В 3-74-42; В 3-74-59.

В 03783. Подп. и печ.
20/VII 1965 г. Формат бумаги
84 × 108¹/₁₆. Бум. л. 0,5. Печ.
л. 1. Тираж 150 000 экз. Зак.
1827. Цена 1 руб.

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным Домом
радиовещания
и звукозаписи.

Ордена Ленина типография
газеты «Правда» имени
В. И. Ленина.

ВОЛШЕБНИКИ— РЯДОМ

Кто они, эти волшебники! Смотришь на эстраду — и перед тобой появляется то джин, просидевший триста лет в бутылке, то злая волшебница Ведьма Васильевна. Но как говорится в пьесе, ни один из них не в состоянии существенно повлиять на нашу жизнь. Почему! Да потому, что настоящие волшебники — это мы с вами, самые обычные люди. Об этом, верно, и хотел сказать Аркадий Райкин своим новым спектаклем «Волшебники живут рядом».

НАЧАЛО

НАЧАЛО

НАЧАЛ

Цена 1 руб.

НАЧАЛО

